

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.39>

Гунжитова Гарма-Ханда Цыбикжаповна, Дареева Оксана Александровна

Фонетическая интерференция в устной речи бурят-билингвов

Цель исследования - выявить наиболее распространенные интерферентные явления в речи бурят-билингвов на фонетическом уровне с обоснованием их возникновения. В статье изучены проявления фонетической интерференции в речи молодых бурят-билингвов, определены наиболее характерные интерферентные явления в их речи. Исследование проводилось на основе наблюдения за речью студентов, обучающихся на непрофильных направлениях подготовки. Научная новизна заключается в комплексном сопоставительном анализе обратной фонетической интерференции, т.е. влияния неродного (второго) языка на родной (первый) язык. В результате определены причины и основные факторы, определяющие возникновение интерференции в речи бурят-билингвов на бурятском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 196-200. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

24. **Словари и энциклопедии на Академике** [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
25. **Толковый словарь Ефремовой** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.08.2020).
26. **Толковый словарь Ожегова** [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
27. **Толковый словарь Ушакова** [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
28. **Храковский В. С., Володин А. П.** Семантика и типология императива: русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
29. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. М.: МГУ, 1941. 620 с.
30. **British National Corpus** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 12.08.2020).
31. **Lakoff G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
32. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.
33. **Langacker R.** Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. 405 p.
34. **Psychologies** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologies.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
35. **Shaw G. B.** Pygmalion [Электронный ресурс]. URL: <https://eng360.ru/pygmalion> (дата обращения: 12.08.2020).

Imperative and Its Linguistic Representation: Traditional and Cognitive Approaches (by the Material of the Russian and English Languages)

Gocheva Irina Vladimirovna
Derzhavin Tambov State University
igocheva23@gmail.com

The article is devoted to studying imperative, one of the basic communicative constructs in the languages of different structures – Russian and English. The research objectives are as follows: to prove that imperative and means of its linguistic representation are insufficiently investigated within the framework of traditional linguistics and to justify relevance of the cognitive aspect. Scientific originality of the paper involves analysing the existing approaches to studying the imperative category and its linguistic representation including connected with its secondary comprehension. Imperative is considered as a system of knowledge and is examined through the lens of different linguistic approaches with their own peculiarities. Relying on the conducted analysis, the researcher identifies means to represent the imperative category. However, there are some other means to transfer imperative in speech, for example, secondary structures, which are still insufficiently investigated. The research findings are as follows: the author proves that different approaches to understanding the imperative category supplement each other, but only the cognitive approach makes it possible to conduct a comprehensive analysis of imperative as a system of conceptual and linguistic knowledge.

Key words and phrases: imperative; traditional aspect; cognitive aspect; linguistic representation; secondary means.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.39>

Дата поступления рукописи: 15.11.2020

Цель исследования – выявить наиболее распространенные интерферентные явления в речи бурят-билингвов на фонетическом уровне с обоснованием их возникновения. В статье изучены проявления фонетической интерференции в речи молодых бурят-билингвов, определены наиболее характерные интерферентные явления в их речи. Исследование проводилось на основе наблюдения за речью студентов, обучающихся на непрофильных направлениях подготовки. **Научная новизна** заключается в комплексном сопоставительном анализе обратной фонетической интерференции, т.е. влияния неродного (второго) языка на родной (первый) язык. **В результате** определены причины и основные факторы, определяющие возникновение интерференции в речи бурят-билингвов на бурятском языке.

Ключевые слова и фразы: бурятский язык; бурятско-русское двуязычие; языковая интерференция.

Гунжитова Гарма-Ханда Цыбикжаповна, к. полит. н.

Дареева Оксана Александровна, к. пед. н., доц.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ

gunzhitova1974@mail.ru; okdarin@mail.ru

Фонетическая интерференция в устной речи бурят-билингвов

Введение

В условиях естественного билингвизма и тесного контактирования двух языков становится объективно неизбежным их взаимовлияние. Результаты процесса взаимодействия могут быть самыми разными. Это и некоторые фонетические изменения, и лексические заимствования, и возникновение смешанных языков и т.д. Одно из распространенных явлений, возникающих в результате языкового контакта – интерференция (от inter – между собой, ferentis – несущий, переносящий), под которой понимается взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающееся либо при языковых контактах, либо при освоении неродного языка.

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что в последнее время устная речь бурят-билингвов, особенно молодежи, на родном (бурятском) языке все больше характеризуется наличием отклонений от нормы в области произношения, многие из которых обусловлены интерференцией. Традиционно проблему интерференции в условиях национально-русского двуязычия рассматривают в разрезе влияния родного языка на русскую речь билингвов. В случае с бурятско-русским двуязычием более актуальным становится изучение влияния русского языка на бурятскую речь носителей. Это позволит выявить закономерности взаимовлияния двух контактирующих языков, а выявление причин имеющихся отклонений позволит выработать наиболее эффективные методы их устранения и повышения культуры речи носителей бурятского языка.

Для достижения обозначенной выше цели были поставлены следующие **задачи**: во-первых, изучить проявления фонетической интерференции в речи бурят-билингвов и определить наиболее характерные и распространенные интерферентные явления; во-вторых, выявить причины, факторы этих явлений.

В решении этих задач были задействованы такие **методы исследования**, как наблюдение, сопоставительный анализ.

Теоретической базой исследования послужили работы У. Вайнрайха [3], Э. Хаугена [10], А. Е. Карлинского [7], Н. И. Ивановой [6], М. М. Кублановой [8], А. И. Николаева [9] и др., в которых рассматриваются различные аспекты явления интерференции, являющейся одним из основных лингвистических аспектов двуязычия и результатом языковых контактов, а также исследования И. Д. Бураева [2], Б. Ж. Будаева [1] по фонетике бурятского языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в последующих исследованиях бурятско-русского двуязычия, при разработке вузовских курсов по практической фонетике бурятского языка, культуре речи, методике преподавания бурятского языка.

Рассмотрим определения термина «интерференция», которые были сформулированы разными исследователями данного явления. Так, У. Вайнрайх под интерференцией понимает «отклонения от нормы одного из контактирующих языков под влиянием другого» [3, с. 27], которые возникают в процессе коммуникации в условиях двуязычия. Также интерференция определяется разными авторами как «транспозиция навыков и умений из одного языка в другой» [4, с. 345], «взаимодействие элементов различных языковых систем» [5, с. 131], «положение двух языковых систем в процессе речи, которое приводит к интерференции» [10, с. 62] и т.д.

Как следует из приведенных определений, интерференция представляет собой взаимное влияние контактирующих языков. Однако большинство исследований в этой сфере посвящены изучению влияния родного языка на неродной (второй) язык. Между тем при взаимодействии языков происходит и другой процесс – влияние второго языка на родной язык билингвов, т.е. имеет место так называемая обратная интерференция. При этом интерференция имеет место на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. В рамках данной статьи мы рассматриваем только фонетическую интерференцию.

В последнее время данное явление широко распространено в условиях бурятско-русского двуязычия. Так, нередко можно наблюдать, как буряты-билингвы, преимущественно молодые, безошибочно и без акцента говорящие на русском языке, допускают произносительные ошибки в речи на родном языке.

Интерферентные явления в речи бурят-билингвов: результаты исследования

В нашем исследовании в качестве информантов выступили студенты – буряты, обучающиеся в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова на 1-2 курсах непрофильных (не бурятская филология) направлений подготовки, владеющие бурятским и русским языками, в возрасте от 17 до 20 лет. Из числа студентов-билингвов нами были выделены те, кто в устной речи на родном (бурятском) языке допускают произносительные ошибки. В общем числе студентов-билингвов они составили около 30%.

В своем исследовании мы исходили из того, что любая интерференция обусловлена, прежде всего, различиями в контактирующих языках, в нашем случае – различиями в области фонетики. Поэтому логика нашего исследования была построена следующим образом: сначала мы зафиксировали наиболее распространенные и характерные произносительные ошибки, наблюдаемые в речи информантов. Затем определили те фонетические различия бурятского и русского языков, которые явились причиной этих отклонений, а также попытались выявить те факторы, которые способствуют интерференции со стороны русского языка.

Отметим, что при определении того, правильно ли произнесено то или иное слово или тот или иной звук, мы исходили из принципа нормативности, т.е. ориентировались на нормы литературного бурятского языка. При этом диалектально обусловленные произносительные отклонения от литературной нормы в рамках нашего исследования не рассматривались, так как они не входили в целевое поле нашего исследования. Мы акцентировали внимание на произносительных ошибках, обусловленных влиянием русского языка на бурятскую речь бурят-билингвов.

Итак, наиболее распространенными в речи наших информантов – бурят-билингвов были следующие произносительные отклонения.

- Произношение заднеязычного звука [x] вместо фарингального [h]: так, информанты произносили [хамган] вместо [һамган] (жена), [сахан] вместо [саһан] (снег), [ха:наха:] вместо [ха:наһа:] (откуда) и т.д.

Действительно, согласный звук [h] относится к специфическим звукам бурятского языка, артикуляторно близок к звуку x, но не идентичен. Как пишет И. Д. Бураев в своей работе «Звуковой строй бурятского языка», фонема [h] – фарингальный щелевой звук, который «артикулируется щелевой преградой, образованной между отодвинутым назад корнем языка и выпяченной нижней частью задней глотки (фаринкса)». Тогда как фонема x

определяется им как «заднеязычно-увулярный щелевой звук», при произнесении которого в словах мягкого ряда активным органом является задняя часть языка, а в словах твердого ряда активный орган – мягкое нёбо [2, с. 104].

• Еще одним отклонением, наблюдавшимся в устной речи информантов, стало произношение смычного звука [б] в тех позициях, где должен произноситься щелевой вариант данного звука, например в интервокальной позиции. Так, данная ошибка была зафиксирована при произнесении слов типа *аба* (отец), *таба* (пять), *арба* (десять), *ошобо* (пошёл), *ябаа* (ушёл), *сэбэрхэн* (симпатичный), *хүбүүн* (мальчик, сын) и др.

И. Д. Бураев описывал фонему [б] следующим образом: «Артикулируется смычной или щелевой преградой между губами при слабом напряжении мышц окружности рта. Следовательно, фонема [б] в бурятском языке может проявляться в смычных и щелевых оттенках» [Там же, с. 68].

При этом он указывал, что смычные оттенки употребляются «в начале слова, в исходе слова в конце слога и в начале слога после согласных, кроме сонанта [р]» [Там же, с. 69]. Соответственно, после согласного [р] и в интервокальном положении проявляется щелевой оттенок данной фонемы. В речи же наших информантов во всех случаях произносился смычный вариант данной фонемы, что, безусловно, объясняется влиянием русского языка, в котором присутствует только смычный звук [б].

• Схожая с произношением звука [б] ошибка наблюдается в произношении смычного [г] вместо щелевого в разных позициях в словах типа *эгэшэ* (сестра), *нагаса* (дядя по матери), *нэгэ* (один), *үндэгэн* (яйцо), *сагаан* (белый), *үргэн* (широкий), *хамган* (жена, женщина), *үлгы* (колыбель) и т.п.

Как отмечает И. Д. Бураев, фонема [г] в бурятском языке имеет смычные и щелевые оттенки (варианты). При этом «щелевые дрожание оттенки употребляются внутри слова в интервокальном положении и после [р], а также иногда после [л]» [Там же, с. 99]. Как мы знаем, в русском языке (исходя из принципа нормативности) аналогичный звук также используется только в смычном варианте, что и вызывает интерференцию.

• Кроме этого, в речи информантов наблюдалось отклонение, которое, на первый взгляд, не вызывало значительного акустического эффекта, но всё же выдавало небольшой акцент – произношение переднеязычного [н] вместо заднеязычного сонанта [ŋ] в словах типа *наран* (солнце), *табан* (пять), *арбан* (десять), *Ангара* (Ангара), *энгэр* (отвороты у одежды). Как мы знаем, в русском языке подобного звука нет, тогда как в бурятском языке это один из активно используемых звуков. «Фонема [ŋ] – это заднеязычно-увулярный смычный твердый носовой сонант», который употребляется «исключительно в исходной позиции слогов: или в конце слова, или внутри слова перед согласными [х] и [г]» [Там же, с. 101].

• Еще одна довольно распространенная ошибка, которая наблюдалась в речи наших информантов – это несоблюдение долготы гласных. Как известно, бурятский язык относится к тем языкам, где гласные противопоставляются по степени длительности (краткие и долгие). При этом количественная сторона в системе бурятского вокализма имеет фонематическое значение и выполняет смылоразличительную функцию. Так, слова с одним и тем же составом звуков, отличающиеся лишь долготой гласных, будут иметь абсолютно разное значение, например: [нэгэ] (один) – [нэ:гэ:] (открыл), [хара] (черный) – [ха:ра:] (закрылся), [ула] (подошва) – [у:ла] (гора) и т.п.

В русском же языке противопоставление гласных звуков по длительности отсутствует. Разная степень длительности гласных в русском языке может быть обусловлена только одним фонетическим условием их реализации – ударным или безударным положением. При этом ударный и безударный гласные не являются разными фонемами, а лишь аллофонами одной фонемы.

Что касается наших информантов, то в их речи были зафиксированы следующие ошибки: произнесение [алихаŋ] вместо [а:лихаŋ], [элжэŋ] вместо [э:лжэ:ŋ], [долотэ] вместо [доло:тэ] и др. Думается, что все это обусловлено в том числе ограниченностью практики общения информантов на бурятском языке и утратой навыка правильного произнесения и различения кратких и долгих гласных.

• Следующее интерферентное явление, которое было зафиксировано в речи информантов, – неправильное произношение дифтонгов.

В современном бурятском языке можно говорить о наличии четырех дифтонгов: [аэ] (пишется как ай), [оэ] (пишется как ой), [уи] (пишется как уй), [үи] (пишется как үй). Качество этих звуков в разных позициях в слове разное: сильное – в первом слоге, слабое – в конце слова.

Как мы знаем, в русском языке аналогичные сочетания букв (ай, ой, уй) обозначают сочетание соответствующих гласных с согласным [й]. В некоторых случаях информанты произносили дифтонги как в русском языке, особенно это было характерно, когда звук стоял в конце слова.

В первых же слогах информанты монофтонгизировали их, произнося [хо:но] вместо [хоэно], [ха:плана] вместо [хаэрлана], [хи:тэŋ] вместо [хүитэŋ] и т.д. Это объясняется тем, что для русскоязычного человека двугласные звуки [аэ], [оэ], [уи], [үи] являются непривычными. Как показал анализ речи наших информантов, несмотря на то, что бурятский язык для них является родным языком, они также не совсем правильно их произносят.

• Довольно распространенной в речи информантов была ошибка в произнесении так называемых «женских» (эмэ) гласных, или в более употребительной терминологии – гласных мягкого ряда, или гласных переднего ряда. Отметим, что использование терминов эрэ (мужские), эмэ (женские), эрсэ (нейтральные) в отношении трех групп бурятских гласных, выделяемых на основе их артикуляторной классификации, восходит к монголо-тибетской традиции. Однако, как отметил И. Д. Бураев, «в общей фонетике эти термины не употребительны», так как «вызывают иные ассоциации» [Там же, с. 114]. Согласно его классификации,

все гласные звуки бурятского языка распределяются по трем рядам, образующим три противостоящие друг другу фонематические группы:

1. Твердый ряд: уу, у, оо, о, аа, а, аэ, оэ, уи.
2. Мягкий ряд: үү, ү, өө, ээ, э, үи.
3. Нейтральный ряд: ии, и.

Артикуляторно гласные твердого ряда произносятся преимущественно при заднем, оттянутом положении языка, гласные мягкого ряда – при переднем его положении. Кроме того, субъективно-слуховой анализ показывает, что за счет такой разницы в артикуляции заднерядные («мужские») гласные звучат тембрально ниже, тогда как переднерядные («женские») гласные – выше.

Наблюдения показывают, что неноситель бурятского языка артикуляторно и акустически ближе воспринимает гласные твердого ряда. Звучание и произношение «женских» гласных вызывают у них объективные трудности, точнее, они не слышат, соответственно, не могут воспроизвести разницу между «мужскими» и «женскими» звуками. Однако, как оказалось, трудность воспроизводства этих звуков характерна и для наших информантов. Так, информанты произносили [о:ро:] вместо [ø:рø:], [хо:рыш] вместо [хø:рыш], [турго:р] вместо [тургø:р], [тул'э:η] вместо [тул'э:η] и т.п.

Перечисленные выше отклонения касались произношения отдельных звуков. Однако информанты допускали ошибки не только на уровне отдельных звуков, но и на уровне произношения слова, фразы. Так, информанты достаточно часто допускали ошибки при произношении заднеязычных звуков *ɣ*, *х*, *һ* в тех случаях, когда указанные звуки находились рядом – в одном слове или в соседних словах фразы. На наш взгляд, это вызвано, прежде всего, близостью артикуляции этих звуков, а также наличием смычных и щелевых оттенков *ɣ*, отличием произношения звука *х* в словах с твердорядным или мягкорядным составом гласных.

• Как известно, фонетическое единство слова создается преимущественно ударением. В русском языке ударение силовое, разноместное. В бурятском языке долгое время считалось, что ударение приходится на первый слог слова [Там же, с. 15].

Однако экспериментальные исследования, проведенные Б. Ж. Будаевым, показали, что бурятские слова имеют тоническое ударение на последнем слоге [1, с. 107]. Кроме того, было установлено, что в не первых слогах (и в последнем ударном слоге тоже) краткие гласные редуцируются. Другой особенностью акцентной структуры бурятского слова является сохранение гласным в первом слоге своего качества, несмотря на то, что первый слог не является ударным.

Что касается речи наших информантов, то для них было характерно следующее отклонение в акцентной структуре слова – произношение бурятских слов с краткими гласными типа *наран* (*солнце*), *арсалан* (*лев*), *тэнгэри* (*небо*), *эгэиэ* (*сестра*) и т.п. с силовым ударением на последнем слоге. В данном случае мы наблюдали замену тонического ударения с редукцией гласных в не первых слогах более привычным силовым ударением, сопровождающимся удлинением гласного в ударном слоге.

Основные причины и факторы интерференции

Анализ зафиксированных в процессе наблюдения произносительных ошибок показал, что их наличие обусловлено такими фонетическими особенностями бурятского языка, как:

- 1) наличие фарингального [h];
- 2) наличие щелевых вариантов смычных согласных звуков [b], [ɣ];
- 3) наличие заднеязычного сонанта [η];
- 4) наличие кратких и долгих гласных;
- 5) наличие двугласных дифтонгов;
- 6) деление гласных на «мужские» и «женские»;
- 7) наличие вариантов (оттенков) заднеязычных фонем *ɣ*, *х* в зависимости от вокалического окружения;
- 8) различия в акцентной структуре слова: отсутствие силового ударения, наличие тонического ударения на последнем слоге; редукция кратких гласных в не первых слогах слова.

Как показал опрос, произносительные ошибки в речи характерны для тех студентов, которые преимущественно говорят на русском языке, бурятский язык используют только в сфере семейно-бытового общения, в основном при общении с пожилыми родственниками.

При этом бурятский язык является для них родным, первым по усвоению языком. Многие из информантов отмечают, что до 3-4 лет они говорили только на бурятском языке. Переход на русский язык у них начался с момента поступления в дошкольные образовательные учреждения. На данный момент свой уровень владения русским языком они оценивают как высокий. Примечательно, что во многих случаях бурятский язык в раннем детстве большинству информантов прививали старшие родственники (дедушки, бабушки). Затем, как отмечают информанты, их практика общения на бурятском языке или прерывалась, или становилась очень редкой.

Кроме этого, данных информантов характеризует то, что они или не изучали бурятский язык в образовательных организациях, или изучали его в незначительном объеме (не более 1-2 часов в неделю). Причинами того, что информанты не изучали родной язык в школе, чаще всего является проживание и обучение в другом регионе (Республика Саха – Якутия, Иркутская область), отсутствие предмета «бурятский язык» в образовательной программе школы, находящейся в отдельных населенных пунктах или районах Республики Бурятия с преимущественно небурятским, русскоязычным населением (г. Северобайкальск, Прибайкальский район,

Баунтовский район). Понятно, что для людей, переехавших в другой регион или в район с преимущественно русскоязычным населением, языковая среда на родном языке сужается до пределов общения внутри семьи.

Информанты, изучавшие бурятский язык в школе, отмечали, что обучение осуществлялось по программе «Бурятский язык как государственный», т.е. по программе, предусмотренной для обучения учащихся, не владеющих бурятским языком, хотя информанты не относились к этой целевой группе. Кроме того, объем часов по указанной программе составляет 1-2 часа в неделю, в отличие от программы «Бурятский язык как родной», где на изучение языка предусматривается 3-5 часов.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие *выводы*.

В речи бурят-билингвов на родном (бурятском) языке под влиянием второго (русского) языка возникают интерферентные явления на фонетическом уровне, вызванные разницей в звуковом составе двух языков (звуки *h*, *ng*, долгие гласные, двугласные дифтонги), отличиями в артикуляции схожих звуков (щелевые варианты фонем *б*, *з*, оттенки фонемы *х*, мужские и женские гласные), особенностями акцентной структуры слова (силовое ударение в русском языке, тоническое – в бурятском). Эти различия и являются основными причинами наблюдаемой фонетической интерференции.

Основные факторы, которые обуславливают так называемую «обратную интерференцию», т.е. влияние неродного (русского) языка на родной (бурятский) язык, следующие: высокий уровень владения русским языком; отсутствие постоянной практики общения на родном языке; незначительность или отсутствие языковой среды, соответственно, функциональное доминирование русского языка во всех сферах общения; отсутствие опыта изучения родного языка в образовательной организации или неэффективная (недифференцированная) система обучения родному языку, соответственно, незнание или плохое знание произносительных норм бурятского языка.

Данное исследование не претендует на завершенность. В нынешней языковой ситуации, когда наблюдается объективное функциональное доминирование русского языка, интерферентные явления в родном языке бурят-билингвов могут приобрести еще более широкий характер. Все это требует *дальнейшего исследования* интерференции не только на фонетическом уровне, но и на лексическом, грамматическом уровнях с охватом разных групп носителей.

Список источников

1. Будаев Б. Ж. Акцентуация бурятского языка. М.: Наука, 1981. 110 с.
2. Бураев И. Д. Звуковой строй бурятского языка / Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 194 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 25-60.
4. Давитиани А. А. Интерференция, вызванная различием конструкций грузинского и русского предложений // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. М.: Наука, 1972. С. 344-356.
5. Ершова Е. Н. О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. М.: Наука, 1972. С. 131-139.
6. Иванова Н. И. Интерферентные явления в устной речи билингвов-саха (на материале телевизионной речи представителей гуманитарной интеллигенции): дисс. ... к. филол. н. Якутск, 2002. 188 с.
7. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков / АН КазССР, Ин-т языкознания. Алма-Ата: Гылым, 1990. 181 с.
8. Кубланова М. М. Языковая интерференция на уровне интонации (на материале английского языка): дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 171 с.
9. Николаев А. И. Иноязычный акцент как результат интерференции языковых систем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). Ч. 3. С. 119-121.
10. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 61-80.

Phonetic Interference in the Bilingual Buryats' Native Speech

Gunzhitova Garma-Khanda Tsybikzhapovna, PhD

Dareeva Oksana Alexandrovna, PhD

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

gunzhitova1974@mail.ru; okdarin@mail.ru

The research objectives are as follows: to identify the most frequent patterns of phonetic interference in the bilingual Buryats' native speech and to reveal causes of this phenomenon. The article examines manifestations of phonetic interference in the young bilingual Buryats' speech, discusses the most typical cases. The study is based on analysing non-linguistic students' speech. Scientific originality of the paper involves a comprehensive comparative analysis of reverse phonetic interference, i.e. non-native (second) language influence on the native one. The research findings are as follows: the most common causes of phonetic interference in the bilingual Buryats' native speech are revealed.

Key words and phrases: Buryat language; Buryat-Russian bilingualism; language interference.